

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800025497-2

Становление романа: литература vs теория литературы

© 2023 г. И. Л. Попова

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 191069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8552-8127>
irina.popova@mail.ru

Резюме. Статья посвящена проблемам становления теории романа и предисловию как особой форме теоретизирования жанра. Целью исследования является проблематизация дискурсивного репертуара теории романа на этапе становления. Роман как жанр, долгое время остававшийся за пределами предмета поэтики, был теоретизирован в риторической традиции, не только в ученых трактатах, но и в предисловиях, объясняющих, что представляет собой роман, как и по каким законам он устроен, какую историю имеет и каким образцам следует. Можно сказать, что теория романа в своем генезисе вызревала вблизи литературного текста, долго не порывая общей с ним пуповины. И даже облекаясь в форму отдельного сочинения, появлялась рядом или вместе с романом. “Трактат о происхождении романов” / “Traité de l’origine des Romans” (1670) П.-Д. Юэ / Pierre-Daniel Huet (1630–1721), упорядочивший теорию и историю жанра и определивший алгоритмы его исследования вплоть до конца XIX в., был впервые издан как ученое предисловие в форме письма к другу и автору романа “Заида. Испанская повесть”: “Письмо месьё Юэ к месьё де Сегре. О происхождении романов” / “Lettre de Monsieur Huet, à Monsieur de Segrais. De l’origine des romans”. Так Юэ создал не только теорию романа, но и новый локус теории, широко использовавшийся в европейских и русской литературах периода становления национального романа.

Ключевые слова: теория романа, П.-Д. Юэ, М.М. Бахтин, роман, мениппея, литература и теория.

Для цитирования: Попова И.Л. Становление романа: литература vs теория литературы // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 2. С. 5–14. DOI: 10.31857/S160578800025497-2

The Formation of the Novel: Literature vs Theory of Literature

© 2023 Irina L. Popova

Doct. Sci. (Philol.),
Leading Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 191069, Russia
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8552-8127>
irina.popova@mail.ru

Abstract. The article deals with the problems of novel theory formation and the preface as a special form of genre theorizing. The purpose of the study is to problematize the discursive repertoire of novel theory in the stage of formation. The novel as a genre, that remained beyond the subject of poetics for a long time, was theorized in the rhetorical tradition, not only in scholarly treatises, but also in prefaces explaining what a novel is, how and by what laws it is arranged, what history it has and what examples it follows. It can be said that novel theory in its genesis ripened close to the literary text, without breaking the umbilical cord common with it. And even when framed in the form of a separate essay, it had appeared next to or along with the novel.

“Treatise on the Origin of Novels, or Romances” / “Traité de l’origine des Romans” (1670) P.-D. Huet / Pierre-Daniel Huet (1630–1721), that regulated the theory and history of the genre and determined the algorithms of its research until the end of the 19th century, treatise was originally published as a scholarly preface in a letter form to the friend and author of the novel “Zaida. Spanish Story”: “Letter from Monsieur Huet to Monsieur de Segrais. On the Origin of Novels”/ “Lettre de Monsieur Huet, à Monsieur de Segrais. De l’origine des romans”. So Huet created not only the novel theory, but also a new locus of theory, widely used in European and Russian literature during the formation of the national novel.

Key words: theory of the novel, P.-D. Huet, M.M. Bakhtin, novel, Menippean, literature and theory of literature.

For citation: Popova, I.L. *Stanovlenie romana: literatura vs teoriya literatury* [The Formation of the Novel: Literature vs Theory of Literature]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serii literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 2, pp. 5–14. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800025497-2

Писатель в роли теоретика и критика — функция в истории культуры отнюдь не общеобязательная. В одних традициях литература и теория — два рода деятельности, которые не могут совмещаться. Напомним, что поэтика как самостоятельная наука, созданная Аристотелем, не предполагала участия поэта в оценке и кодификации литературной практики. В других традициях, напротив, поэт может быть одновременно и автором поэтики, более того, поэтика представляется как вид литературной деятельности¹. Таково “Поэтическое искусство” Горация, ставшее вершиной и одновременно завершением римской теоретико-литературной системы; таково “Поэтическое искусство” Буало, образцовая теория французского классицизма и классици. Обратим внимание, что поэты становятся создателями поэтики в культурах, строящихся по образцу, хотя и наполненному оригинальным содержанием, — как римская по образцу греческой, а французская по образцу античного классического канона. Тем не менее, сегодня обе поэмы, и Горация, и Буало, являются предметом исследования науки о литературе — и как художественные тексты, и как образцы теории².

“Авторская” теория³ и критика учитывалась и исследовалась наукой о литературе с момента ее

появления, однако в качестве самостоятельной литературоведческой проблемы была осознана сравнительно поздно, в XX в. В конце 1940-х годов, исследуя высказывания Гёте о природе классики, Э.Р. Курциус отметил, какой замечательной темой могло бы стать изучение критических высказываний Гёте о литературе⁴. За прошедшие с тех пор десятилетия все высказывания Гёте о литературе были отобраны, систематизированы, изданы многократно повторенными отдельными изданиями.

То же можно сказать и о русском литературоведении, в последней трети XX в. целенаправленно занимавшемся проблемами писательской критики и теории. Суждения писателей о литературе и литературном труде печатались отдельными книгами, специальная серия “Из литературного наследия”, выходящая в составе основанной в 1972 г. библиотеки “Любителям российской словесности”, была посвящена изданию и исследованию литературно-критических текстов русских писателей.

Впрочем, одних специальных изданий литературно-критических текстов для решения проблемы, вынесенной в заглавие этой статьи, недостаточно. Трудность состоит в том, что суждения писателей о литературе могут содержаться как

¹ Время от времени можно наблюдать возврат к этой идее с по крайней мере двухтысячелетней историей. Впрочем, сегодня настаивать на ее авторстве можно разве что в том смысле, о котором говорил Гёте: “Все хорошее было уже раздумано, стоит только передумать его еще раз”.

² О композиции “Послания к Пизонам” Горация, известном под более поздним названием “О поэтическом искусстве”, или “Поэтика”, или “Наука поэзии”, как о композиции художественного произведения — роëта — позднеантичной литературы [1]. См. также: [2].

³ Пожалуй, только одно дефинитивное ограничение следует ввести с самого начала. Теория — и этим она отличается от других научных дискурсов о художественной

словесности — говорит о литературе с точки зрения универсального. Именно в этом смысле мы и будем использовать понятие ‘теория’.

⁴ Научное изучение проблемы было начато Курциусом в конце 1940-х годов. См., в частности, его статью 1948 г. “Гёте как критик” [3]. К тому же Курциус до конца 1920-х годов и сразу после Второй мировой войны интенсивно занимался современной литературой (вызывая тем самым недоумение коллег по “академическому” цеху, в частности Лео Шпитцера), сначала французской (см.: [4]), затем англоязычной, как переводчик Т.С. Элиота; позже специально Элиотом и Г. Гессе — в тесной связи с получением ими Нобелевской премии по литературе.

в текстах, опубликованных при жизни, так и в архивных материалах; как в специальных статьях, критиках, манифестах, теоретических исследованиях и предисловиях, так и в неоконченных черновых набросках, письмах, дневниках, воспоминаниях современников, наконец, в собственно художественных произведениях. Очевидно, что обращение с этими разножанровыми источниками в каждом случае имеет свои особенности, а для составления на их основе общей картины требуется дополнительная аналитическая работа.

В каком отношении суждения писателей о литературе и литературном труде находятся к науке о литературе? Большая их часть остается фактом *истории литературы и/или литературной критики*. Писательская критика является частью литературной истории, без исследования которой невозможно составить адекватное представление об эпохе: о направлениях и школах, о конкурирующих литературных программах, о направлении литературного вкуса, редакционной политике журналов и газет и т.д. Безусловную ценность суждения писателя о литературе имеют в контексте личного творчества, для понимания законов, “им самим над собою признанных”.

Но лишь в сравнительно редких случаях писательская критика говорит о литературе с точки зрения универсального, то есть имеет собственно теоретическую ценность⁵. Так, литературовед, где бы он ни находился и к какой бы языковой культуре ни принадлежал, приступая к истории мировой литературы, не сможет обойтись без комплекса суждений Гёте, который кодифицировал само понятие ‘мировая литература’⁶. “Законом Шиллера” называют принцип единства внутреннего и внешнего, перевод переживания в облик, а облика в переживание. Или еще один пример: для определения понятия ‘архетип’ С.С. Аверинцев прибегает к высказыванию Томаса Манна, как к едва ли не лучшей краткой формулировке концепции архетипа, выражающей смысл экстраполяции этого термина в сферу литературы [5]; [6, с. 110].

Тем не менее, картина теоретических воззрений литературной эпохи, составленная с учетом

⁵ Разумеется, история знает авторов, удачно сочетающих писательскую и научную деятельность. Было бы натяжкой, например, называть “писательской теорией” труды Андрея Белого о теории стиха и творчестве Гоголя, или, напротив, “прозой литературоведа” – романы Ю.Н. Тынянова.

⁶ Идея “мировой литературы” (“Weltliteratur”) неразрывно связана с именем Гёте, хотя сам термин фиксируется еще до того, как он впервые появляется в бумагах Гёте и в беседах с ним.

исключительно системных поэтик и научных теорий, не может быть полной. Эпистемологические критерии поэтики и теории литературы, хотя и подвержены историческим изменениям, по своей природе консервативны. Поэтика и теория литературы призваны отвечать на универсальные вопросы: что такое литература, каков ее предмет, каковы ее жанры, ее язык (стиль) и т.д. Многие частные факторы, определяющие в том числе и ответы на эти универсальные вопросы, не входят в ее кругозор. Системные научные теории создаются, как правило, в периоды стабилизации литературных языков и жанровых систем, откликаясь на то, что совершилось и отстоялось⁷. Периоды кризисов, переломов литературной истории если и попадают в их поле зрения, то уже *post-factum*.

Писательская критика, напротив, живо откликается на литературный процесс, фиксирует происходящие перемены в системе реального времени, оценивает новые тенденции, прогнозирует будущее развитие литературы. Лучшие образцы писательской теории нередко создаются в периоды кризисов, на переломах литературной истории, когда требуется интенсивное осмысление новой ситуации, нового смысла универсальных вопросов поэтики и ее основных категорий.

Именно такой была фигура Гёте на переломе европейской истории, с 1770 по 1830 г. – в период завершения 2,5-тысячелетней традиции европейской литературы и перехода – через короткое “интермеццо” национальных литератур – к формированию мировой литературы. Круг универсальных вопросов, затронутых Гёте в его критических текстах, письмах, беседах, был обусловлен и предзадан как его личностью, так и его эпохой. Исторический статус последнего универсального автора европейской литературы, завершителя многовековой традиции, “последнего звена золотой цепи”, идущей от Гомера [8, с. 30], – и одновременно провозвестника новой идеи мировой литературы придали его суждениям общезначимую теоретическую ценность.

⁷ В предельно заостренной форме эта мысль выражена М.М. Бахтиным в подготовительных материалах к переработке книги о Франсуа Рабле 1944 г. Приведем этот фрагмент, сколь важный, столь и недооцененный нашей теорией: “Наша, европейская, теория литературы (поэтика) возникла и развивалась на очень узком и ограниченном материале литературных явлений. Она слагалась в эпохи стабилизации литературных форм и национальных литературных языков, в эпохи, когда большие события литературной и языковой жизни – потрясения, кризисы, борьба и бури – были уже давно позади, когда самая память о них уже изгладилась, когда все уже утряслось и отстоялось, отстоялось, конечно, только в самых верхах официализованной литературы и языка” [7, т. 4 (1), с. 705].

И все-таки образцы “авторской теории”, имеющей общезначимый смысл, выходящий за пределы собственного индивидуального творчества, немногочисленны. В большинстве случаев такие примеры либо имеют локальный характер, не затрагивая поэтику как систему, либо представляют собой род ‘поэтики как поэзии’, теоретизирующей поэтическое искусство в поэтической же форме, не разрушая при этом границу между литературой и теорией как двумя разными родами деятельности, хотя и свидетельствуя о ее подвижности и изменчивости.

* * *

В истории литературы был по крайней мере один несомненный случай, когда теория, имеющая универсальный смысл, складывалась вне поэтики, на границе литературы и науки, а затем, встраиваясь в поэтику, радикально ее перестроила. Речь идет о теории романа.

Роман как жанр, долгое время остававшийся за пределами предмета поэтики, был первоначально теоретизирован в риторической традиции, не только в специальных трактатах, но и в “авторской теории”, внутри и на границах литературного творчества, в предисловиях и введениях, объясняющих, что такое роман, как и по каким законам он устроен. Можно сказать, что теория романа в своем генезисе как бы вызревала вблизи литературного текста, долго не порывая общей с ним пуповины.

Для того чтобы понять радикальность перемен, произошедших в поэтике с включением в нее романа и других прозаических жанров — прозаики как таковой, нужно напомнить о том, чем была дефиниция ‘рода’ в классической поэтике.

“Поэтика” Аристотеля исходила из дефиниции ‘рода’ как ключевой, для Аристотеля она была даже важнее, чем дефиниция поэзии. ‘Род’ (а затем — ‘жанр’) в нормативной поэтике начинается с установления субстанциальных признаков, определяющих его идентичность как сущности, а затем сам уже служит мерилем практики, основой для разрабатываемых рекомендаций поэту. Разные жанры — это разные ‘подражания’ (μίμησις) и разные ‘искусства’ (τέχνη); жанр постепенно приобретает свои нормативные признаки, необходимые и достаточные условия своей идентичности. Становление жанра с точки зрения классической нормативной поэтики — это его “приход к самому себе”: достигнув себестождества, жанр останавливается, ему уже некуда идти. Аристотель в “Поэтике” так говорит о трагедии: “... Испытав много перемен, трагедия остановилась, обретая,

наконец, присущую ей природу” (1449a14; пер. М.Л. Гаспарова) [9, т. 4]. Здесь, по точному замечанию Аверинцева, выражено фундаментальное «представление о жанре как о сущности, хотя и возникающей и постепенно становящейся во времени, однако имеющей вневременную “природу”, или <...> “энтелехию” — внутреннюю заданность, императив тождества себе» [10, с. 3].

Обратим внимание, говоря о поэтике Аристотеля, мы пользуемся термином ‘жанр’, хотя и общепринятым, но все-таки в литературоведении относительно новым. Еще А.Н. Веселовский на рубеже XIX–XX вв. оговаривал условность и ограниченность понятия ‘жанр’, его контекстную связь с французскими теориями [11, с. 250], предпочитая рассуждать о ‘родах’ и ‘видах’ поэзии, и только в 1920-е годы понятие ‘жанр’ становится универсальным, так что его использование даже при упоминании об аристотелевской поэтике происходит “по умолчанию”, без специальных оговорок.

Античное теоретико-литературное знание выделило ограниченный круг жанров: эпопею, трагедию, комедию, лирические и риторические жанры. При этом не всякое жанровое обозначение описывалось как жанр в системе поэтики. Например, ‘биос’ (βίος), как и ‘трагедия’ (τραγῳδία), является жанровым обозначением, и тем не менее это термин иного свойства. ‘Биос’ не содержит никакой характеристики жанра, кроме тематической — изложение жизненного пути исторического лица и/или его нравов и образа жизни; ‘трагедия’ же является жанровым обозначением во всей полноте смысла, регламентируя не только характер “подражания”, но и язык, стихотворный размер, число действующих лиц и т.д. (см.: [10, с. 7]).

Несмотря на разную степень регламентации, все жанровые дефиниции в классической поэтике мыслились как тождественные себе и непроницаемые друг для друга сущности. Необходимость жанровой дифференциации прозаики заставила пересмотреть это базовое правило. Нужно ли понимать дефиницию жанра как некую неизменную на все времена точку отсчета, относительно которой должно рассматривать образцы жанра в их развитии, или она тоже подвижна, изменчива и исторически обусловлена? И возможна ли смена жанровой идентичности? С точки зрения дефинитивной поэтики, восходящей к Аристотелю, — нет; однако история литературы Нового времени продемонстрировала обратное: да, может.

Нарастающая прозаизация словесности и потребность теоретизировать роман не только разрушила традиционную жанровую систему, но и

изменила представление о сущности ‘поэзии’ и границах ‘поэтического’. Превращение романа в предмет регулярной теоретической рефлексии имело несколько следствий общего характера, стимулировав не только изменение границ и научной спецификации *поэтики* и *риторики*, но и пересмотр оппозиции стих/проза как первичной для определения ‘поэзии’ (‘литературы’) и ‘поэтического’ (‘литературности’), а также выдвижение в качестве главного конститутивного признака понятия ‘вымысел’.

Конституирование романа как жанра происходило постепенно и обрело свою системную теорию к концу XVII в. Парадокс истории теоретического освещения романа состоял в том, что первоначально роман как жанр являлся предметом *риторики*. Регулярная теория романа формируется в XVII в., в эпоху барокко, и это — *теория риторическая*. В системе риторики XVII–XVIII вв. роман получает теоретическую кодификацию как смешанный риторический жанр, и свою жанровую историю: термин ‘роман’ распространяется на античность и Средневековье, то есть на эпохи, романа не знавшие; барочная теория ведет историю жанра от “греческого романа”.

Впоследствии, когда теория романа становится предметом поэтики, возникает новый парадокс: поэтика получает роман не просто как жанр, прежде не входивший в кругозор теории словесности, а как жанр, теоретизированный риторикой, причем жанровая теория и жанровая история, “составленные” риторикой для романа, оказываются с ним нераздельны, поэтике остается только принять их “за основу” — так рождается понятие жанрового “самосознания” романа.

Для риторики не представляло сложности кодифицировать роман как жанр, но риторика кодифицировала его по своим собственным законам. А.В. Михайлов, исследовавший романские теории эпохи барокко, показал, как риторика XVII в. осваивала новый для нее жанр. Если для спецификации поэзии было достаточно метра и рифмы, то для романа — определения “поэма без метра”: “Есть другой вид поэм (Gedichte), однако <излагаемых> прозаической речью <...>. От других они не отличаются ничем, кроме <отсутствия> метра. <...> Таковы так называемые романы...” (Д.М. Морхоф (1682); пер. А.В. Михайлова). Дефиниция нового жанра — романа, через посредство старого — эпической поэмы (поэм Нового времени в риторической традиции

и гомеровских поэм — в традиции гегельянской эстетики⁸), не могла решить проблемы теоретической спецификации романа: “... Такое *простое* решение не снимает *проблемы*, а загоняет ее, словно болезнь, *внутрь*. Действительно, ведь риторическая теория пытается не более, не менее как истолковать *новый жанр* в духе *старого*” [12, с. 147].

Решение проблемы было найдено, и оно затрагивало само существо поэтического. Чтобы включить роман в систему поэтического искусства, нужно было снять оппозицию стих/проза как конститутивную для предмета поэтики. Именно это и сделал в своем трактате Пьер-Даниэль Юэ / Pierre-Daniel Huet (1630–1721).

“Трактат о происхождении романов” / “Traité de l’origine des Romans” (1670) стал решающим событием в становлении теории жанра и — шире — теории прозаики. Сочинение Юэ, в прошлом автора небольшого романа, а впоследствии епископа и члена Французской академии (1674), было признано “эстетической декларацией совершенности романа”⁹ и определило европейскую теорию жанра по крайней мере на следующие двести лет.

И, что особенно важно для нашей темы, трактат Юэ был издан под одной обложкой с романом “Заида. Испанская история”, как ученое *предисловие*, в форме письма к другу и автору романа: “Письмо месье Юэ к месье де Сегре. О происхождении романов” / “Lettre de Monsieur Huet, à Monsieur de Segrais. De l’origine des romans”. Так Юэ создал не только теорию романа, но и традицию предисловия как пространства для теоретизирования жанра. Предисловие в форме обращения к читателю, другу, родственнику, наконец, к автору, реальному или вымышленному, если роман, как в случае с “Заидой”¹⁰,

⁸ В “Эстетике” Гегеля, в отличие от риторических теорий XVII–XVIII вв., роман сопоставляется не с риторически-понятым эпосом, а с эпосом гомеровским, передающим “изначально-поэтическое состояние мира”.

⁹ Эту характеристику (“die ästhetische Mündigkeitserklärung des Romans”) приводит в комментарии и указателе содержания к критическому изданию трактата Юэ, включающем в себя факсимиле первого французского издания (1670) и первого издания на немецком языке (1682), Ханс Хинтерхойзер / Hans Hinterhäuser [13, с. 13*, 165]. См. также критические изд.: [14] и др.

¹⁰ Споры об авторстве “Заиды” продолжаются по сей день. Роман вышел под именем Жан-Реньо де Сегре и так переиздавался вплоть до 1780 г. Хотя автором “Заиды” уже давно принято считать М.-М. де Лафайет — в каталоге Национальной библиотеки Франции роман единолично числится за ней, а некоторые жанровые находки в ее сочинениях даже аттестованы как “изобретение французского

предполагал элемент мистификации или подставного авторства, — особенно активно использовался как локус авторских теорий в период становления национального романа в европейских и русской литературах.

Трактат Юэ очень быстро получил известность и стал популярен не только во Франции, но и далеко за ее пределами. Почти сразу был издан отдельно [15]; затем дополнен и выпущен вторым изданием [16]; переведен на основные европейские языки и латынь. К 1711 г. насчитывал восемь изданий на французском¹¹, переводы на английский (1672), нидерландский (1679, 1700, 1705), латинский (1682), немецкий (1682). Был известен и в России. Перевод на русский язык вышел более века спустя после его первого издания — в 1783 г., в типографии Н.И. Новикова [17]. Примечательно, что русское издание воспроизвело опыт первой публикации Трактата как ученого предисловия к роману, правда не к “Заиде”, к тому времени уже переведенной на русский язык¹². Трактат Юэ неизменно учитывался и русской теорией. В 1886 г. создатель исторической поэтики в работе “История или теория романа?” аттестовал Юэ как “первого сознательного теоретика” романа, “обширная начитанность” которого “поставила его на историческую точку зрения” [18, с. 16].

* * *

Трактат Юэ в науке о литературе имеет особую репутацию. Считается, что Юэ впервые упорядочил теорию романа — в его трактате, по выражению Михайлова, содержится “конспект будущего литературоведческого осмысления романа вплоть до конца XIX в.” [12, с. 146], — и все-таки точнее сказать, что Юэ ее создал.

Юэ конституировал роман как жанр и как предмет поэтического искусства. Хотя отдельные важнейшие наблюдения над особенностями романа можно найти и у других авторов, именно Юэ сформулировал принципы изучения романа, его генезиса и истории, что, в свою очередь, построило поэтику в целом.

романа’, — предположение об “Испанской истории” как совместном проекте Юэ, де Сегре, мадам де Лафайет (их знакомство, согласно мемуарам Юэ, состоялось в 1659 г.) и Ларошфуко по-прежнему имеет своих сторонников.

¹¹ Следующие изд.: 1685, 1693, 1699; 1705 (2 изд.) 1711 (см.: [13, с. 29*]).

¹² В 1765 г. в Москве, при Императорском университете, был издан анонимный перевод “Заиды”: “Заида, гишпанская история, сочиненная господином Дезегре”, в 2 ч.

Чтобы включить роман в систему поэтического искусства, Юэ, со ссылкой на Аристотеля, не только снимает оппозицию стих / проза как конститутивную, но и выдвигает на первое место в определении поэтического *вымысел*, а не стих. Роман, полагает Юэ, вне зависимости от того, написан он в стихах или в прозе, может быть предметом поэтики в аристотелевском смысле. Романист — поэт, хотя и пишет прозой, поскольку поэт делает поэтом не столько стих, сколько вымысел: “...quoy qu'ils ayent d'ailleurs un tres-grand rapport, et que suivant la maxime d'Aristote, qui enseigne que le Poëte est plus Poëte par les fictions qu'il invente, que par les Vers qu'il compose, on puisse mettre les faiseurs de<s> Romans au nombre des Poëtes” [19, с. 6].

В апелляции к авторитетному имени Аристотеля различима реакция на средневековое истолкование поэзии как искусства метрики по преимуществу. Юэ имеет в виду, по всей видимости, максимум из девятой главы “Поэтики”, согласно которой поэт “должен быть более творцом фабул, чем метров”. Аристотель в девятой главе говорит о задаче поэта и о различии между поэзией и историей:

...историк и поэт различаются не тем, что один пишет стихами, а другой прозой (ведь и Геродота можно переложить в стихи, но сочинение его все равно останется историей, в стихах ли, в прозе ли), — нет, различаются они тем, что один говорит о том, что было, а другой о том, что могло бы быть. <...> Итак, отсюда ясно, что сочинитель должен быть сочинителем не столько метров, сколько сказаний: ведь сочинитель он постольку, поскольку подражает, а подражает он действиям. Впрочем, даже если ему придется сочинять <действительно> случившееся, он все же останется сочинителем — ведь ничто не мешает тому, чтобы иные из случившихся событий были таковы, каковы они могли бы случиться по вероятности и возможности; в этом отношении он и будет их сочинителем (1451b; пер. М.Л. Гаспарова) [9, т. 4]¹³.

Для теории Нового времени этот фрагмент имел исключительное значение. Когда наука о литературе оказывалась перед необходимостью

¹³ Ср. перевод Н.И. Новосадского: “Историк и поэт различаются не тем, что один говорит стихами, а другой прозой. Ведь сочинения Геродота можно было бы переложить в стихи, и все-таки это была бы такая же история в метрах, как и без метров. Разница в том, что один рассказывает о прошедшем, другой о том, что могло бы произойти. <...> Из этого ясно, что поэт должен быть более творцом фабул, чем метров, так он творец постольку, поскольку воспроизводит, а воспроизводит он действия. Даже если ему придется изображать действительные события, он все-таки творец, так как ничто не препятствует тому, чтобы некоторые действительные события имели характер вероятности и возможности. Вот почему он их творец” [http://newmenandr.net/poetica].

расширения своего предмета, как в случае теоретической легитимации романа и прозаического искусства в XVII в., она неизменно обращалась к IX главе “Поэтики”, находя в ней теоретическое обоснование новому представлению о сущности и границах литературного творчества.

Несмотря на ссылку Юэ, следует заметить, что *вымысел* как категория, перестроившая представление о предмете поэтического искусства, непосредственно к “Поэтике” Аристотеля не восходит, хотя и следует из нее. Конституирование *вымысла* как предмета поэтического искусства, ставшее важным шагом на пути перехода от классических поэтик к новым, было подготовлено не только развитием словесности, но и развитием теории, в том числе предшествующими интерпретациями Аристотеля¹⁴.

Упразднив монополию стиха в теории поэтического творчества, Юэ смог кодифицировать роман как самостоятельный литературный жанр, а не маргинальную разновидность традиционной жанровой системы, исследовать его собственную специфику и выстроить его историю.

Отвечая на вопрос, что есть роман и по каким законам он должен строиться, Юэ делает акцент, во-первых, на отличии романа от эпоса, во-вторых — на соотношении правдоподобия (“*vraisemblance*”, “*vraisemblable*”) и вымысла (“*fiction*”), противопоставляя роман, с одной стороны, *истории*, с которой, следуя Аристотелю, соотносит правдоподобие, а с другой стороны, — “*сказкам*”, с которыми связывает вымысел.

¹⁴ В этом смысле показателен трактат Доминика Гундиссаллина “О разделении философии” / *Dominicus Gundissalinus “De divisione philosophiae”* (ок. 1150), опирающийся на аристотелевское представление о поэтике и ее месте в системе наук. Предмет поэтики Гундиссаллин определяет двояко — как “*res gesta*” и “*res ficta*”, то есть как действия произошедшие и действия вымышленные: “*Materia huius artis duo sunt: quia aut res gesta aut res ficta*” [20, с. 54]. (Ср. в переводе на немецкий язык: “*Der Gegenstand dieser Kunst besteht in zweierlei, entweder nämlich in etwas wirklich Geschehenem oder in etwas Erfundenem*” [21, с. 127].) Среди же вымышленных (“*res ficta*”) он различает те, которые могли произойти, и те, которые произойти не могли. В качестве иллюстрирующего примера в первом случае сказано об *аргументе*, или доводе, как в евангельской притче, поясняющей истину рассказом из повседневности; во втором случае — о “*сказке*”: “*Res autem ficta alia est, que fieri potuit et dicitur argumentum ut parabole euangelii, alia est, que fieri non potuit et dicitur fabula*” [20, с. 55]. (Ср. в переводе на немецкий: “*Erfundene Gegenstände wiederum gibt es einmal solche, die geschehen hätten können, und dann spricht man von Argument wie bei den Gleichnissen des Evangeliums, zum anderen solche, die nicht hätten geschehen können, und dann spricht man von Märchen (lat. fabula)*” [21, с. 127. Курсив мой. — И.П.]

Другой важнейший и неотменяемый шаг, сделанный Юэ, — ретроспекция романной истории в глубь веков: Юэ установил жанровую традицию, отобрав формы античной словесности, которые, с его легкой руки, стали называться романом; понятие “греческий роман” и истоки теории античного романа восходят к его труду.

Заметим в скобках: парадоксальную операцию построения истории жанра как ретроспекции, результатами которой литературоведение пользуется до сих пор, исследовал и отчасти пытался пересмотреть и повторить в своей поэтике романа М.М. Бахтин.

Бахтин неоднократно апеллирует к трактату Юэ как к старейшей и “авторитетнейшей” европейской теории романа¹⁵, особо отмечая значение истории “греческого романа”: “В области специальных проблем античного романа эта книга нашла свою смену лишь в работе Э. Роде, то есть только через двести лет (1876 г.)” [7, т. 3, с. 127–128]. В то же время Бахтин полагал, что Юэ недооценил значение серьезно-смеховых жанров — менипповой сатиры и сократического диалога, который, перефразируя Шлегеля, называл “романом того времени”:

...некоторые из них суть жанры чисто романного типа, содержащие в себе в зародыше, а иногда и в развитом виде, основные элементы важнейших позднейших разновидностей европейского романа. <...> ... названные нами серьезно-смеховые жанры, хотя и лишены того твердого композиционно-сюжетного костяка, который мы привыкли требовать от романного жанра, предвосхищают более существенные моменты развития романа нового времени [7, т. 3, с. 625–626].

Юэ строил историю жанра из перспективы современного ему барочного романа, испытавшего существенное влияние “греческого романа”, в то время как другие виды античной прозаики, предвосхитившие не менее значимые этапы развития жанра, остались вне поля его зрения: если к первофеномену барочного романа подводит так называемый греческий роман, то к первофеномену романа Достоевского, по мнению Бахтина, — мениппова сатира и сократический диалог.

¹⁵ Данными о том, по каким источникам Бахтин был знаком с текстом трактата, мы не располагаем. Бахтин приводит название трактата по разным изданиям, а в рукописи “<К роману воспитания>” дает небольшой фрагмент в собственном переводе: “роман — выдумка о приключениях, прозой написанная для развлечения и поучения читателей. Любовь должна быть главным сюжетом романа” [7, т. 3, с. 218]. Ср.: “...Romans sont des fictions d’aventures amoureuses, écrites en Prose avec art, pour le plaisir et l’instruction des Lecteurs” [19, с. 4–5].

При этом нужно учитывать, что Юэ в своем трактате уделяет внимание мениппее, обозначает ее жанровые признаки: смешение стиха и прозы, серьезного и веселого (“la Prose avec les Vers, & le serieux avec enjoué” [19, с. 62]), и указывает на значение мениппеи для римского романа и особенно для “Сатирикона” Петрония¹⁶. Таким образом, Бахтин, утверждая значение менипповой сатиры в истории романа и расширяя круг близких к мениппее серьезно-смеховых жанров, скорее опирался на конструкцию Юэ, чем ее опровергал, развивая и проецируя на русскую литературу один из ее элементов.

Но вернемся к плану Юэ. Выстраивая историю жанра вразрез законам поэтики, по принципу *ретроспекции*, он выделяет основные этапы становления романа от античности до XVII в.: 1) происхождение романа и влияние восточной словесности (египтян, арабов, персов, индусов, сириян); 2) греческий роман; 3) римский роман; 4) роман Средневековья и Ренессанса (Юэ отмечает упадок после расцвета и новый подъем жанра; специально останавливается на генезисе и этимологии понятия ‘роман’; сравнивает романы национальных европейских литератур и отмечает влияние Франции на Италию и Испанию; конституирует особое значение “Дон Кихота” и “библиотеки Дон Кихота” в истории самосознания романа как жанра); 5) современный ему французский роман XVII в. как новую вершину романного искусства.

Предложенный “план” истории жанра стал основой для теоретико-литературного освещения романа; по этой канве, уточненной и дополненной, история происхождения романа писалась на протяжении по крайней мере двух веков. Вплоть до последней трети XIX в. барочная теория романа, облеченная в форму Письма Юэ к де Сегре — предисловия к роману мадам де Лафайет, служила “рамочной конструкцией”, которую отшлифовывала и наполняла материалом академическая теория.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гаспаров М.Л.* Композиция “Поэтики” Горация // Очерки истории римской литературной критики. М.: Изд. АН СССР, 1963. С. 97–151.
2. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Ранний эллинизм. М.: Искусство, 1979. 816 с.
3. Curtius E.R. Kritische Essays zur europäischen Literatur. Bern: Francke, 1950. S. 28–58. 8°, 439 S.
4. Curtius E.R. Französischer Geist in neuen Europa. Stuttgart: Deutsche Verlagsanstalt, 1925. 8°, 372 S.
5. *Аверинцев С.С.* “Аналитическая психология” К.Г. Юнга и закономерности творческой фантазии // Вопросы литературы. 1970. № 3. С. 113–143.
6. *Аверинцев С.С.* Архетипы // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1980. С. 110–111.
7. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: В 6 т. М.: Языки славянских культур, Русские словари, 1996–2012.
8. Curtius E.R. Büchertagebuch (1951). Bern; München: Francke, 1960. 8°, 119 S.
9. *Аристотель.* Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1976–1984.
10. *Аверинцев С.С.* Жанр как абстракция и жанры как реальность: диалектика замкнутости и разомкнутости // Взаимосвязь и взаимовлияние жанров в развитии античной литературы / Отв. ред. С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров. М.: Наука, 1989. С. 3–25.
11. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика / Ред., вступит. ст. и прим. В.М. Жирмунского. Л., 1940 / [Репринт.] Изд. 3-е. М.: Изд. ЛКИ, 2008. 648 с.
12. *Михайлов А.В.* Роман и стиль // Теория литературных стилей. Современные аспекты изучения. М.: Наука, 1982. С. 137–203.
13. *Huet Pierre Daniel.* Traité de l'origine des Romans. Faksimiledrucke nach der Erstausgabe von 1670 und der happelschen Übersetzung von 1682 / Mit Nachwort von Hans Hinterhäuser. Stuttgart: Metzler, 1966. 8°, 170, 32 S.
14. Lettre-traité de Pierre-Daniel Huet sur l'origine des romans. Éd. du tricentenaire 1669–1969 / Éd. Fabienne Gégou. Paris: Éditim A.-G. Nizet, 1971. 222 p.
15. Lettre de Monsieur Huet, à Monsieur de Segrais. De l'origine des romans. Paris, s.d. VIII, 99 p.
16. Lettre de Monsieur Huet à Monsieur de Segrais. De l'origine des romans. Seconde édition. Paris: S. Mabre-Cramoisy, 1678. XII, 176-[1] p.
17. Гуэция Историческое разсуждение о начале романов, с прибавлением Беллегардова Разговора о том, какую можно получить пользу от чтения романов / Переведено с французского языка Иваном Крюковым. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1783. 120 с.
18. *Веселовский А.Н.* История или теория романа? // *Веселовский А.Н.* Избранные статьи. Л.: ГИХЛ, 1939. С. 3–22.
19. Lettre de Monsieur Huet, à Monsieur de Segrais. De l'origine des romans // Zayde Histoire Espagnole, par Monsieur de Segrais. Avec un traitté de l'Origine des

¹⁶ Практика исследования мениппеи в контексте жанровой теории римского романа, заданная трактатом Юэ, продолжала существовать вплоть до начала XX в.

- Romans, par Monsieur Huet. Paris: Claud Barbin, 1670. P. 3–99.
20. *Dominicus Gundissalinus. De divisione philosophiae* / Herausgegeben und philosophiegeschichtlich untersucht von Dr. Ludwig Baur // Beiträge zur Geschichte der Philosophie des Mittelalters. Texte und Untersuchungen / Hrsg. Dr. Clemens Bäumker und Dr. Georg Freih. von Hertling. Bd. IV. H. 2–3. Münster: Aschendorfschen Buchhandlung, 1903. XII, 408 S.
 21. *Dominicus Gundissalinus. De divisione philosophiae* = Über die Einteilung der Philosophie / Lateinisch – Deutsch [Gebundene Ausgabe] / Herausgegeben, übersetzt, eingeleitet und mit Anmerkungen versehen von Alexander Fidora und Dorotée Werner // Herders Bibliothek der Philosophie des Mittelalters. Bd. 11. Freiburg; Basel; Wien: Herder, 2007. 288 S.
- REFERENCES
1. Gasparov, M.L. *Kompozitsiia “Poetiki” Goratsiia* [Composition “Poetics” by Horace]. *Ocherki istorii rimskoi literaturnoi kritiki* [Essays on the History of Roman Literary Criticism]. Moscow, AN SSSR Publ., 1963, pp. 97–151. (In Russ.)
 2. Losev, A.F. *Istoriia antichnoi estetiki. Rannii ellinizm* [History of Antique Aesthetics. Early Hellenism]. Moscow, Iskustvo Publ., 1979. 816 p. (In Russ.)
 3. Curtius, Ernst Robert. *Kritische Essays zur europäischen Literatur*. Bern, Francke, 1950. S. 28–58. 8, 439 p. (In German)
 4. Curtius, Ernst Robert. *Französischer Geist in neuen Europa*. Stuttgart, Deutsche Verlagsanstalt, 1925. 8, 372 p. (In German)
 5. Averintsev, S.S. “*Analiticheskaiia psikhologiia*” C.G. Junga i zakonmernosti tvorcheskoi fantazii” [Jung’s “Analytical Psychology” and patterns of creative fantasy]. *Voprosy literatury* [Topics in the Study of Literature]. 1970, No. 3, pp. 113–143. (In Russ.)
 6. Averintsev, S.S. *Arkhetipy* [Archetypes]. *Mify narodov mira. Entsiklopediia* [Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia]. In 2 Vols, Vol. 1. Moscow, Sovetskaiia entsiklopediia Publ., 1980, pp. 110–111. (In Russ.)
 7. Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii: in 6 vol.* [Collected Works, in 6 Vols.]. Moscow, Iazyki slavianskikh kultur, Russkie slovari Publ., 1996–2012. (In Russ.)
 8. Curtius, Ernst Robert. *Büchertagebuch* (1951). Bern; München, Francke, 1960. 8°, 119 p.
 9. Aristotle. *Sochineniia: V 4 t.* [Works, in 4 Vols.]. Moscow, Mysl Publ., 1976–1984. (In Russ.)
 10. Averintsev, S.S. *Zhanr kak abstraktsiia i zhanry kak realnost: dialektika zamknutosti i razomknutosti* [Genre as Abstraction and Genres as Reality: The Dialectic of Closedness and Openness], *Vzaimosviaz i vzaimovliianie zhanrov v razvitiu antichnoi literatury. Otv. red. S.S. Averintsev, M.L. Gasparov* [Interrelation and Mutual Influence of Genres in the Development of Ancient Literature. Ed. S.S. Averintsev, M.L. Gasparov]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 3–25. (In Russ.)
 11. Veselovsky, A.N. *Istoricheskaiia poetika. Red. V.M. Zhirmunskii* [Historical Poetics. Ed. V.M. Zhirmunsky]. Leningrad, 1940, Reprint, The 3^d Edition. Moscow, LKI Publ., 2008. 648 p. (In Russ.)
 12. Mikhailov, A.V. *Roman i stil* [Novel and Style]. *Teoriia literaturnykh stilei. Sovremennye aspekty izucheniiia* [Theory of Literary Styles. Modern Aspects of Learning]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 137–203. (In Russ.)
 13. Huet, Pierre Daniel. *Traité de l’origine des Romans*, Faksimiledrucke nach der Erstausgabe von 1670 und der happelschen Übersetzung von 1682, mit Nachwort von Hans Hinterhäuser. Stuttgart, Metzler, 1966. 8°, 170, 32 p. (In French, In German)
 14. *Lettre-traité de Pierre-Daniel Huet sur l’origine des romans*, Éd. du tricentenaire 1669–1969, éd. Fabienne Gégou. Paris, Éditim A.-G. Nizet, 1971. 222 p. (In French)
 15. *Lettre de Monsieur Huet, à Monsieur de Segrais. De l’origine des romans*. Paris, s.d. VIII, 99 p.
 16. *Lettre de Monsieur Huet à Monsieur de Segrais. De l’origine des romans*, seconde édition. Paris, S. Mabre-Cramoisy, 1678. XII, 176-[1] p. (In French)
 17. *G. Guetsiia Istoricheskoe razsuzhdenie o nachale romanov, s pribavleniem Bellegardova Razgovora o tom, kakuiu možhno poluchit polzu ot chteniia romanov, perevedeno s frantsuzskogo iazyka Ivanom Kriukovym* [Historical Discourse on the Beginning of Novels of Huetius, with the Addition of Bellegarde’s Discourse on the Benefits of Reading Novels, Transl. from French by Ivan Kriukov]. Moscow, Univ. tip., u N. Novikova Publ., 1783. 120 p. (In Russ.)
 18. Veselovsky, A.N. *Istoriia ili teoriia romana?* [History or Theory of the Novel?]. Veselovsky A.N. *Izbrannye statji* [Selected Articles]. Leningrad, GIKhL Publ., 1939, pp. 3–22. (In Russ.)
 19. *Lettre de Monsieur Huet, à Monsieur de Segrais. De l’origine des romans*. Zayde Histoire Espagnole, par Monsieur de Segrais. Avec un traitté de l’Origine des Romans, par Monsieur Huet. Paris, Claud Barbin, 1670, pp. 3–99. (In French)
 20. *Dominicus Gundissalinus. De divisione philosophiae*, herausgegeben und philosophiegeschichtlich untersucht von Dr. Ludwig Baur. Beiträge zur Geschichte der Philosophie des Mittelalters. Texte und Untersuchungen, hrsg. Dr. Clemens Bäumker und Dr. Georg Freih. von Hertling, Bd. IV, H. 2–3, Münster, Aschendorfschen Buchhandlung, 1903. XII, 408 p. (In Latin, In German)
 21. *Dominicus Gundissalinus. De divisione philosophiae* = Über die Einteilung der Philosophie,

Lateinisch – Deutsch [Gebundene Ausgabe],
herausgegeben, übersetzt, eingeleitet und mit
Anmerkungen versehen von Alexander Fidora und

Dorotée Werner. Herders Bibliothek der Philosophie
des Mittelalters, Bd. 11, Freiburg; Basel; Wien, Herder,
2007. 288 p.

Дата поступления материала в редакцию: 10 января 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 28 января 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 февраля 2023 г.

Дата публикации: 30 апреля 2023 г.

Received by Editor on January 10, 2023

Revised on January 28, 2023

Accepted on February 15, 2023

Date of publication: April 30, 2023